История философии. Социальная философия

УДК 1(091)(47)

DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-10-45

Сергей Эфрон Льву Карсавину:
«Но Ваше место – пусто!»:
письма «левых» евразийцев к Л.П. Карсавину
как хроника Кламарского раскола

Ксения Б. Ермишина
*Дом русского зарубежья им. А. Солженицына,
Москва, Россия, xenia_ermishina@mail.ru*

Владимир И. Шаронов
*Западный филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Калининград, Россия,
sharonovvi@gmail.com*

Аннотация. Предисловие и публикуемые документы посвящены расколу евразийского движения в конце 1920 г. Впервые в научный оборот вводятся архивные материалы, раскрывающие подробности раскола на две противоборствующие группы евразийцев. Первая группа действовала в Праге, ее лидером был П.Н. Савицкий. Они отстаивали аполитичную, антикоммунистическую, антимарксистскую позицию, продолжали развивать традиции классического евразийства. Вторая группа под руководством П.П. Сувчинского образовалась в Париже, ее считают ответственной за политизацию движения, марксистские и советофильские настроения. Такая схема стала привычной, но публикуемые документы вносят в нее новые коррективы и важные для истории русской мысли подробности. В публикации и научных комментариях раскрывается роль в расколе организации «Трест» (ОГПУ), состав авторов газеты «Евразия» и ее тематическая направленность газеты, уточняются позиции сторон, ставится вопрос об идейной стороне евразийского раскола 1928–1929 гг.

Ключевые слова: евразийство, русская эмиграция, Кламарский раскол, Л.П. Карсавин, П.П. Савицкий, П.Н. Сувчинский, Н.Ф. Федоров, марксизм

© Ермишина К.Б., Шаронов В.И., 2023

Для цитирования: Ермишина К.Б., Шаронов В.И. Сергей Эфрон Льву Карсавину: «Но Ваше место – пусто!»: письма «левых» евразийцев к Л.П. Карсавину как хроника Клармарского раскола. // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2023. № 2. С. 10–45. DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-10-45

Sergey Efron to Lev Karsavin:
“But your place is empty!”
Letters of the “left” Eurasians to L.P. Karsavin
as a chronicle of the Klamarsky split

Kseniya B. Ermishina
*Aleksandr Solzhenitsyn House of Russian Expatriates,
Moscow, Russia, xenia_ermishina@mail.ru*

Vladimir I. Sharonov
*Western branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Kaliningrad, Russia,
shaonovvi@gmail.com*

Abstract. The preface and the documents presented are about the split of the Eurasian movement in the late 1920s. For the first time archival materials are being introduced into scientific circulation, revealing the details of the split into two opposing groups of Eurasians. The first group operated in Prague, its leader was P.N. Savitsky. They defended an apolitical, anti-communist, anti-Marxist position, continued to develop the traditions of classical Eurasianism. The second group under the leadership of P.P. Suvchinsky was formed in Paris, it is considered responsible for the politicization of the movement, Marxist and Sovietophile sentiments. Such a scheme has become familiar, but the published documents introduce new adjustments and details important for the history of Russian thought. The publication and scientific comments reveal the role of the organization “Trust” (OGPU) in the split, the composition of the authors of the newspaper “Eurasia” and its thematic focus. The positions of the parties are clarified, and the question of the ideological side of the Eurasian split of 1928–1929 is raised.

Keywords: Eurasianism, Russian emigration, Klamarsky split, L.P. Karsavin, P.P. Savitsky, P.N. Suvchinsky, N.F. Fedorov, Marxism

For citation: Ermishina, K.B. and Sharonov, V.I. (2023). “Sergey Efron to Lev Karsavin: ‘But your place is empty!’: Letters of the ‘left’ Eurasians to L.P. Karsavin as a chronicle of the Klamarsky split”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 2, pp. 10–45, DOI: 10.28995/2073-6401-2023-2-10-45

В общем массиве документов, составивших в 1949–1950 гг. уголовное (следственное) дело № П–11972–ЛИ¹ по обвинению Льва Платоновича Карсавина², есть три больших коричневых конверта из неотбеленной бумаги с вложенными в них рукописными листами и машинописными страницами. На всех конвертах одной рукой сделаны рукописные надписи: на первом – «Пакет № 1.

¹ *L. Karsavino baudžiamoji byla* (Уголовное дело Л. Карсавина) // Lietuvos urpatingas archyvas (Особый архив Литвы). Ф. К.–1. Оп. 58, б. П–11972–ЛИ. Л. 276. Здесь и далее ссылки на основной массив Уголовного дела Л.П. Карсавина для краткости обозначен: «Дело» с указанием порядкового номера листа в нем. Листы в основном массиве Дела имеют сквозную порядковую нумерацию.

К делу приложены документы в трех пакетах. Каждый из документов в том или ином пакете имеет собственную двойную пагинацию, она состоит из порядкового номера документа в пакете и через дефис в круглых скобках – номера страницы данного документа.

Ссылки и комментарии на документы из трех пакетов даются с указанием: «Пакет № ___» с указанием собственной двойной пагинации через дефис: номер документа – номер цитируемой страницы данного документа. В случае отсутствия нумерации на оборотной стороне листа дается нумерация основной страницы вместе с сокращенным указанием на оборотную сторону – «Об.»

Все документы публикуются, а цитаты приводятся в современной орфографии в выверенном виде, после исправления ошибок и опечаток.

² *Лев Платонович Карсавин* (1882–1952), религиозный философ, историк-медиевист, поэт. Выпускник и профессор Санкт-Петербургского университета, в 1922 г. был выслан из Советской России, жил с семьей в Берлине. Заместитель председателя Бюро Русского академического союза в Германии, один из организаторов Русского научного института, соучредитель издательства «Обелиск». В 1924 г. Карсавина пригласили принять участие в евразийских изданиях, вскоре он занял место одного из идеологов и руководителей движения. Член Парижской евразийской группы и Евразийского совета. В 1926 г. с переездом в Кламар вокруг него образовалась неформальная группа молодых евразийцев. В 1927 г. получил приглашение стать профессором истории в Каунасском университете, куда прибыл в первых числах 1928 г. В 1929 г. написал свой финальный евразийский текст, жанр которого определил как идейное завещание (см.: [Клементьев 2021, с. 437–501]). С переносом столицы Литвы в Вильнюс в 1940 г. перевелся профессором в столичный университет и одновременно работал директором Вильнюсского художественного музея. Арестован в 1949 г., отбывал срок и скончался в инвалидном лагере близ станции Абезь, Коми АССР.

Вещественные доказательства арестованного Карсавина Л.П.; на втором – порядковый номер 2; на третьем – «Пакет № 3. Для председательствующего на Особом Совещании при МГБ СССР»; четвертый пакет не имеет номера, имеет заглавие «Личные документы арестованного»³. Большинству документов в пакетах была присвоена отдельная двойная пагинация, первое число которой обозначало порядковый номер документа и через дефис проставлена последовательная нумерация страниц каждого документа.

К вещественным доказательствам Пакета № 1 следователь отнес: машинописные заключения эксперта от официальной идеологии, названные «Обзор евразийской и другой антисоветской литературы, изъятой у Карсавина Л.П.» за подписью завкафедрой Вильнюсского университета марксизма-ленинизма Д.С. Горшенина⁴, и «Обзор по французскому журналу «Новые времена»⁵ № 8, 10 за 1946 г.⁶; машинописный меморандум «По материалам дела – формуляр “Алхимик” с выдержками из оперативных донесений секретных агентов и осведомителей о высказываниях Карсавина и корреспонденции в его адрес 6.12.1940 г. по день его ареста 8.07.1949 г.»⁷.

В Пакете № 2 следователь объединил изъятые при обыске в профессорской квартире Карсавиных рукописные и машинописные письма евразийцев, адресованные Л.П. Карсавину, а также несколько евразийских документов⁸. Все они так или иначе были созданы в кризисный для движения период, когда идеологи и организаторы разделились на два противоположных крыла, считающих возможным (и даже целесообразным) и, наоборот, принципиально недопустимым отношения с представителями советской власти. Понятно, что и оценки происходящего в СССР и исторической роли советского государства и многие другие базовые положения у каждой из групп и особенно у лидеров, были радикально противоположными по ряду вопросов.

³ «Опись документов, находящихся в деле». Дело. Л. 1 об.

⁴ Пакет № 1. Л. 8 (6–8). Сведений о *Д.С. Горшенине* не найдено. Не исключено, что этот автор экспертных текстов имел родственные отношения с *К.П. Горшениным* (1907–1978), занимавшим в 1949 г. пост министра юстиции СССР.

⁵ Имеется в виду журнал “Les Temps Modernes”, основанный в 1945 г. *Жаном-Полем Сартром* и изъятый еще в 1946 г. при аресте *Ирины Львовны Карсавиной* (1906–1987), старшей дочери Льва Платоновича.

⁶ Пакет № 1. Л. 8 (10–14).

⁷ Там же. Л. 8 (15–25).

⁸ Пакет № 2. Л. 7 (1–33).

В Пакете № 3, кроме основных выписок из Дела Карсавина (Обвинительное заключение от 29.11.1949 г.⁹ и Справка о мотивах направления Дела на рассмотрение Особого Совещания МГБ СССР¹⁰ от того же числа), приложены копии допросов бывших евразийцев – сотрудников и агентов ОГПУ/НКВД, вернувшихся в Советский Союз или оказавшихся в зоне советского влияния в 1945 г. после победы над фашистской Германией. Ко времени ареста Карсавина в 1949 г. почти все они были уже расстреляны или погибли в лагерях.

Нынешняя публикация этих ранее неизвестных писем важна потому, что, несмотря на обилие работ о евразийском движении, написанных за минувшие десятилетия, в его истории остается очень много до конца не проясненного. Особенный дефицит документальных источников существует в части, относящейся к теме непосредственного кризисного этапа истории евразийства в конце 1920-х гг., завершившегося идейным и организационным размежеванием на две группы. Внешние обстоятельства, влиявшие на теоретические расхождения главных фигур организации, их личные мотивы и планы, финансовая ситуация, роль внедренных агентов советской разведки и завербованных ею позже, а также многое другое до сих пор недостаточно изучены. По сути, большинство исследовательских изложений и оценок так или иначе опираются на две архивные публикации хронологии Кламарского раскола. Существуют разные версии этого меморандума, в которых нетрудно найти отличия – несовпадения в содержательной части, разные маргиналии на полях, вставки и т. д., но написаны они одновременно одним автором – П.Н. Савицким¹¹. Тексты развернутой хронологии раскола были посланы Савицким разным лицам и евразийским группам, но главным адресатом был П.Н. Малевский-Малевич¹².

⁹ Пакет № 3. Л. 8 (36–39).

¹⁰ Пакет № 3. Документ представляет копию с общей нумерацией из основного Дела // Дело. Л. 267.

¹¹ Варианты текста находятся в нескольких хранилищах, в частности в ГА РФ и в архиве Стэндфордского университета. Тексты были опубликованы К.Б. Ермишиной и И.Д. Шевеленко, см.: *Трубецкой Н.С.* Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Русский путь, 2008. С. 384, а также [Шевеленко 1994].

¹² *Малевский-Малевич Петр Николаевич* (1891–1974), гвардейский офицер в армии генерала *П.Н. Врангеля*. В эмиграции с 1919 г. Один из лидеров евразийского движения, входил в высшие органы управления (Совет Пяти, Совет Семи, Евразийское Политбюро), бессменный казначей

Через посредство Малевского Савицкий надеялся на продолжение финансовой помощи от английского мецената Г.Н. Сполдинга¹³, который финансировал евразийство с 1924 г.

Малевский максимально использовал свой статус единственного доверенного лица Сполдинга и во многих случаях самовольно щедро поддерживал того или иного лидера и его проекты, или наоборот, урезал выделяемые суммы [Глебов 2010, с. 291]. На поверхности непосвященные видели лишь проявления кипучей активности евразийцев – издание сборников, деятельность Евразийского семинария в Париже, затем организацию одноименного клуба со своей библиотекой, работу кассы взаимопомощи, разъезды лидеров по Европе с лекциями об основных взглядах и программных положениях и пр. Внешний блеск мог ввести в заблуждение непосвященных, в то время как Савицкий, например, испытывал настоящую нужду, делал долги, а внутри самой организации уже всю процветали подозрительность и недоверие между участниками.

Об остроте множившихся проблем высшее звено евразийцев, конечно, знало, но некоторые его участники, переживая затруднения, справлялись своими средствами, хотя давалось это нелегко. Это особенно относилось к Савицкому, поскольку Малевский урезал финансирование Пражской группы. Савицкий, или Элкин, как он фигурировал в зашифрованных письмах и документах, многократно, но безрезультатно сообщал Малевскому о своей по-

евразийства. Руководитель Лондонского и Нью-Йоркского филиалов евразийского движения. В ноябре 1924 г. на евразийском съезде в Вене, специально посвященном финансовому вопросу, предоставил евразийцам деньги от английского благотворителя Г.Н. Сполдинга. В «Евразийских хрониках» было напечатано шесть статей и рецензий Малевского. В период Кламарского раскола находился в Америке, после прибытия безуспешно пытался примирить Парижскую и Пражскую группы. Автор книги на англ. яз. об евразийстве: "A new party in Russia". London, 1928. 119 p.

¹³ *Сполдинг Генри Норман (Spalding Henry Norman, 1877–1953)*, британский филантроп, исследователь европейских и восточных религиозных учений. Унаследовал огромное состояние, занимался благотворительностью и политикой. Был инициатором организации в 1936 г. кафедры восточных религий и этики в Оксфордском университете. С 1924 по 1929 г. поддерживал евразийство и направлял на работу этой организации огромные средства [Глебов 2010, с. 80–88]. Опубликовал две книги на евразийские темы: *Russia in Resurrection; a Summary of the Views and of the Aims of a New Party in Russia*. London, 1928. 266 p.; *Civilization in East and West*. London, 1939. 334 p. В протоколах допросов следователи, задавая вопросы о Сполдинге, как правило, именовали его эмиссаром английской разведки.

требности в средствах. В конце концов, он, как сообщал в письме П.П. Сувчинскому Н.С. Трубецкой¹⁴, перестал

...обращаться и, не желая сокращать темпа и размаха работы, стал «изворачиваться», т[о] е[сть] покрывать расходы из собственного кармана, а т[ак] к[ак] карман этот набит отнюдь не туго, то стал делать долги. Зная характер ПНС[авицкого], его исключительную преданность делу, и почти мазохическую потребность полагать живот на алтарь отечества, все это можно было предвидеть. А потому, отказывать ему в покрытии деловых расходов, равносильно было тому, чтобы вынуждать его тратить на дело собственные деньги, т[о] е[сть] эксплуатировать¹⁵ его. Я считаю это совершенно недопустимым. Узнав об этом совершенно случайно, я заявил ПНС, что если он сам больше не хочет просить у Пенни [П.Н. Малевского-Малевича], то возьмусь за это дело я. В письме к Пенни я и указал на недопустимость принимать от ПНС денежные жертвы. Если бы ПНС материально был вполне обеспечен и имел бы излишек, было бы еще ничего. Но он получает от своей службы только ровно столько, сколько нужно, чтобы прокормить себя и свою мать, и живет бедно¹⁶, – другого выражения не придумаешь. «Бедно» значит «не выше экзистенциального минимума»¹⁷.

Немилость к Савицкому ярко контрастировала явным благоволением Малевского по отношению к П.П. Сувчинскому¹⁸ и его

¹⁴ *Трубецкой Николай Сергеевич* (1890–1938), князь, филолог, лингвист, один из основоположников евразийского движения, основатель (вместе с Р.О. Якобсоном) фонологии. В 1920 г. в Софии опубликовал книгу «Европа и человечество», которая объединила будущих евразийцев на общей идейной основе. В 1923 г. возглавил кафедру языковедения в Венском университете. С появлением в конце 1927 г. Евразийского Политбюро стал его председателем. В связи с Кламарским расколом официально объявил о своем выходе из евразийства 31 декабря 1928 г., его «Письмо в редакцию» с заявлением о выходе было напечатано в газете «Евразия» 5 января 1929 г. (№ 7). В начале 30-х гг. относился к евразийским идеям критически, но под влиянием Савицкого с 1932 г. сблизился с его группой и предоставил для «Евразийской хроники» несколько своих работ на темы идеократии, национального вопроса, мировой политики и культуры.

¹⁵ Подчеркнуто самим автором документа.

¹⁶ Подчеркнуто автором документа.

¹⁷ *Трубецкой Н.С.* Указ. соч. С. 183.

¹⁸ *Сувчинский Петр Петрович* (1892–1985), граф, музыкальный критик, пианист, один из трех основоположников евразийского движения. Окончил Петербургский Императорский университет (предположительно

Парижской группе. Сюда направлялись значительные суммы, хотя, учитывая размах работы, средств все равно критически не хватало. Одной из главных причин была полная неспособность Сувчинского соотносить полученные средства, свои грандиозные планы и действительность. Барин, как за глаза называли его некоторые соратники по евразийству, вырос в богатой дворянской семье¹⁹, привык к достатку, и даже в тяжелых условиях эмиграции расточительность считал нормой. Оценивая жизнеспособность своих проектов, он руководствовался своими собственными, далекими от реальности оценками. Основанные на этом расчеты на самокупаемость в результате не оправдались: в 1929 г. на складах книгоиздательства были сотни экземпляров нераспроданной евразийской литературы. Кроме того, Сувчинский авторитарно принял решение о новом курсе евразийства – с опорой на марксизм и философию Н.Ф. Федорова. В сознании Савицкого марксизм был равен материализму и атеизму, что, как он справедливо полагал, означало радикальный разрыв с культуроцентричным и религиозно-ориентированным первоначальным евразийством.

В такой ситуации от Савицкого сложно было ожидать беспристрастности оценок. В меморандуме П.Н. Савицкого явно сквозит личная обида, уязвленное самолюбие, даже ужас от осознания того, какие крепкие сети сплело ОГПУ в Парижской группе. В разных вариантах меморандума Савицкий хотел убедить меценатов, что денежные средства отныне следует направлять исключительно «правоверной» группе, поскольку Парижское крыло поражено ересью, которую необходимо разоблачить и заклеить. Для этого Савицкий постарался тщательно зафиксировать все этапы впадения уклонистов «в прелесть» (прельщение – богословский термин) «большевиизма», под которым он понимал их увлечение марк-

историко-филологическое отделение), издатель журналов «Музыкальный современник» и «Мелос», после эмиграции в 1920 г. организовал Российско-Болгарское книгоиздательство в Софии, на базе которого возник первый евразийский кружок, переросший в евразийское движение. Издатель и главный редактор всех евразийских сборников («Евразийский временник», «Евразийская хроника»), журнала «Версты» и газеты «Евразия». Руководитель Парижской евразийской группы. Друг С.С. Прокофьева, Б.В. Асафьева, И.Ф. Стравинского, имел переписку почти со всеми значимыми интеллектуалами, писателями, поэтами, композиторами, философами своего времени, преимущественно из СССР и Франции.

¹⁹ Отец П.П. Сувчинского граф П.П. Шелига-Сувчинский был председателем правления товарищества «Нефть», чье состояние исчислялось сотнями тысяч рублей; см.: [Зубова 2020].

сизмом и философией Н.Ф. Федорова. При этом оставил в стороне тему роли личности в этой истории: «Ни на ком ином, как именно на Сувчинском лежит ответственность за коммуноидальные и коммунистические уклоны кламарской группы»²⁰.

По Савицкому выходило, что причиной проникновения агентов ОГПУ стало то, что: «Сувчинский стал утаивать от меня свои свидания с агентами коммунистической власти»²¹.

Это было очень далеко от истинного положения дел, поскольку ОГПУ задолго до кламарского кризиса было хорошо информировано обо всем происходящем у евразийцев и активно влияло на участников, о чем позже свидетельствовали на допросах²² изначально внедренный в организацию в 1924 г. кадровый сотрудник НКВД А.А. Ланговой²³, завербованные агенты П.С. Арапов²⁴, Ю.А. Артамонов²⁵ К.Б. Родзевич²⁶ и другие советские агенты.

²⁰ Трубецкой Н.С. Указ. соч. С. 287.

²¹ Там же. С. 291.

²² На это указывали в ходе допросов арестованные П.С. Арапов и А.А. Ланговой (Пакет № 2. Л. 8 (28); Дело. Л. 241).

²³ Ланговой Александр Алексеевич (1896–1964), комбриг (1938). В РККА с 1919. Член ВКП(б) с 1927 г. Сотрудник для особых поручений при Наркоме обороны СССР, агент организации «Трест», внедрившийся в евразийскую среду для поручения информации и дезорганизации работы евразийцев. Вошел в евразийский Совет Семи в 1925 г. как представитель «советского евразийства», ему планировали поручить создание распространительного аппарата в СССР. Арестован в 1939 г. по обвинению в связях с евразийской организацией, в 1940–1955 гг. находился в заключении, в 1955 г. реабилитирован.

²⁴ Арапов Петр Семенович (1897–1938), активный деятель евразийского движения, член евразийских высших органов управления (Совет «Трех П», Совет Пяти, Совет Семи, Евразийский Совет, Евразийское Политбюро). В 1922 г. сблизился с П.П. Сувчинским, состоял в евразийской организации до распада Парижской группы в 1929 г. Занимался организационной евразийской работой (конспиративная, пропагандистская деятельность, поиск спонсоров и т. д.). В 1923 г. стал инициатором сближения евразийцев с организацией «Трест». Несколько раз нелегально пересекал советскую границу для встречи с представителями «Треста» (в 1924, 1926 и 1929 гг.). Вернулся в СССР в 1930 г., рассчитывая продолжить работать в органах ОГПУ уже «официально», но сразу был арестован. Находился в заключении, был расстрелян в Соловецкой тюрьме в 1938 г.

²⁵ Артамонов Юрий Александрович (1890–1938), выпускник Александровского лицея. Корнет лейб-гвардии Конного полка. В ноябре 1918 г. был в отряде генерала Л. Кирпичева, воевавшего против С. Петлюры.

Весной 1927 г. атмосфера в евразийских рядах еще больше осложнилась взаимными подозрениями о сотрудничестве с ОГПУ, хотя возникли эти предположения относительно некоторых участников раньше. Арестованный в 1949 г. Карсавин на допросах говорил, что все понял о командировках евразийцев в СССР еще в 1924–1925 гг.:

Я понял, что связь с единомышленниками в Советском Союзе, поддерживаемая через Лангового, не серьезная, и что [это] просто комбинация органов Советского Союза. Ланговой, как я догадываюсь, вел надзор за деятельностью евразийцев за границей.

Я был уверен в том, что поездка Арапова и Савицкого находилась под надзором ОГПУ²⁷.

Особенно крупный скандал, имевший большой резонанс в эмигрантской среде и сильно ударивший по репутации евразийства, разразился после публикаций в рижской газете «Сегодня». 09.05.1927 г. там была напечатана статья «Советский Азеф» – о том, что Э.О. Опперпут²⁸, известный также под фамилиями Стауниц

В эмиграции, служил в г. Ревеле переводчиком в Английском посольстве, был завербован резидентом «Треста» А.А. Якушевым. Был представителем и доверенным лицом «Треста» в Варшаве. В течение 1928 г. Артамонов стал единственным представителем «Треста», получавшим от евразийства 180 фунтов стерлингов в год на организацию и поддержание связи с советскими «последователями» евразийства. В его обязанности входила также переброска евразийской литературы и ее последующее распространение в СССР. Вернулся в СССР в 1930 г., был арестован. Находился в заключении, расстрелян в Соловецкой тюрьме в 1938 г.

²⁶ *Родзевич Константин Болеславович* (1895–1988), юрист, переводчик, муж дочери о. Сергея Булгакова М.С. Булгаковой, друг М.И. Цветаевой и С.Я. Эфрона. Послужил прототипом для героев поэм М.И. Цветаевой «Поэма горы» и «Поэма конца». Член Парижской группы евразийцев, входил в руководящее ядро группы, занимал пост товарища Председателя Комитета, в обязанности которого входила организация службы связи (подотдел так называемого «Малого Совета») и составление важнейших отчетов. Агент ОГПУ – НКВД. В 1943 г. как участник антифашистского сопротивления был арестован немецкими властями на территории Франции и отправлен в концлагерь, освобожден советскими войсками. Умер в Русском доме престарелых под Парижем.

²⁷ Дело. Л. 57.

²⁸ *Опперпут Александр Оттович*, настоящее имя *Александр Упениньш* (1895–1943). Закончил ускоренные офицерские курсы в Алексеевском

и Уппелиныш, вербовал для ОГПУ агентов. В статье он был назван предателем монархической организации в России, обвинялся в том, что состоит в разведслужбах нескольких стран. Через восемь дней сам Опперпут разместил в той же газете открытое письмо с признанием, что с марта 1922 г. проживал в Москве и под угрозой расстрела был завербован ГПУ. Он также привел различные подробности деятельности советской разведки и организации «Трест».

После разоблачения «Треста» евразийцы постановили прекратить с трестовцами все отношения. Позже, на допросе 01.12.1930 г. Арапов дал показания, что после разоблачения Стауница [Опперпута]

Артамонов, находившийся в то время на положении полу-подозреваемого в соучастии работы ГПУ ... <...> ... предлагал сохранить наследие «Треста» хотя бы для того, чтобы при посредстве поляков, опустить письма в Москве, для того чтобы вновь связаться с Ланговым, а в дальнейшем, может быть, открыть новое «окно»²⁹.

Несмотря на существующие подозрения в отношении Артамонова, входивший в Парижскую группу Арапов занял почти такую же позицию в оценках перспектив сотрудничества. Он составил «Записку о Тресте», в которой утверждал, что проникшие в эту организацию агенты ОГПУ раскололи ее на две части³⁰ и обосновывал целесообразность продолжения сотрудничества с «правовой» частью «Треста», которая, по его утверждениям, была действительно антисоветской и промонархической организацией³¹. 17.11.1927 г.

военном училище, участник Первой мировой войны, штабс-капитан. После революции какое-то время служил в Красной армии. По заданию ОГПУ был переправлен через границу как представитель «Треста», вступил там в Боевую организацию генерала Кутепова Российского общевойскового союза. В начале 1927 г. бежал в Польшу, видимо, опасаясь разоблачения и расправы. Дальнейшая судьба неизвестна, предполагают, что его смерть была инсценирована в конце 1920-х гг., а сам он продолжил работать за границей, выполняя задания советской разведки.

²⁹ Протокол допроса П.С. Арапова от 01.12.1930 г. // Пакет № 1. Л. 8 (30).

³⁰ См. также: П.С. Арапов и евразийское движение (новые архивные материалы). Публикация К.Б. Ермишиной // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2011–2012. Т. 37. С. 229–254.

³¹ В этом предложении без особого труда угадывается не наивность Арапова, а расчет чекистов на сохранение контроля и влияния над евразийцами.

«Записка» была направлена евразийским лидерам, в том числе Г.Н. Товстолесу³², И.В. Степанову³³, П.Н. Малевскому-Малевичу и др., но она никого не заинтересовала кроме П.П. Сувчинского. Последний дал Арапову согласие на то, что отношения с «Трестом» надо продолжить. При этом он не поставил в известность о своем решении ни П.Н. Савицкого, ни Н.С. Трубецкого.

Являясь основоположником евразийского движения, Петр Сувчинский остался верен себе и своим убеждениям. После переезда в 1925 г. в Париж он организовал там Парижскую евразийскую группу, он наладил выпуск так называемых «Информационных бюллетеней»³⁴, знакомивших читателей с происходящими про-

³² *Товстолес Григорий Николаевич* (1894–1957), из черниговских дворян. Учился в Киевском кадетском корпусе, служил в армии Деникина и Врангеля. Был членом нескольких французских масонских лож. С 1926 по 1928 г. по рекомендации Арапова был утвержден резидентом евразийцев в Риге, затем жил в Париже. В 1946 г. получил советское гражданство и в том же году был выслан из Франции как нежелательный иностранец в Восточную Германию. В 1951 г. его арестовали и приговорили к 10 годам заключения. В 1956 г. был освобожден.

³³ *Степанов Иван Владимирович* (1890–1934) закончил петербургское Училище правоведения (1915) и Павловское военное училище (1916). В годы Первой мировой войны служил в чине капитана Лейб-гвардии Семеновского полка. Участвовал в Бредовском походе армии П.Н. Врангеля, сослуживец П.Н. Малевского-Малевича. В 1920 г. поселился в Брюсселе, работал в банке, возглавил евразийскую группу, созданную около 1926 г. Был дружен с М.И. Цветаевой. В новогоднюю ночь с 1933 на 1934 г. покончил с собой, отравившись газом. Это совпало с очередной волной разоблачений агентов ОГПУ и породило слухи о сотрудничестве Степанова с чекистами. В 1957 г. в Париже была издана его книга о Царскосельском лазарете «Милосердия двери Лазарета Ея Величества». Степанов лечился там в 1914 г.

³⁴ «*Информационный бюллетень*» – машинописное литографическое издание, предвзвешившее выход газеты «Евразия», печатался для сведения внутренней евразийской среды (в основном Парижской группы). Трубецкой и Савицкий высказывали сильное неодобрение этому изданию и его концепции, которая заключалась в том, чтобы ознакомить евразийцев с положением дел в СССР путем перепечатывания наиболее интересных статей из советских газет. Так, например, «Информационный бюллетень» за май 1928 г. знакомил читателей с вопросами электрификации, индустриализации, внешней торговли, хлебозаготовительной компании и т. д. (ГА РФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 445. Л. 249–250 об.). По мнению Савицкого, «В тех бюллетенях, где можно уловить отношение составителя к советской

цессами и событиями в СССР. В этом издании можно без особого труда разглядеть общие черты с будущей газетой «Евразия», в ней также с самого первого номера перепечатывались материалы из советских газет, отслеживались экономические политические успехи СССР, предлагались геополитические прогнозы и т. д. На съезде в Эвьяне в июле 1928 г. Савицкий энергично протестовал против тиражирования таких материалов, полагая нецелесообразным тратить деньги на подобную апологию коммунизма.

В 1926 г. Сувчинский стал издавать журнал «Версты», призванный соединить на литературном поле Россию Советскую и Россию эмигрантскую. В представлениях Сувчинского Марина Цветаева была музой и неким проводником в мир синтеза идей в пространство, где встречаются две России. Через три номера «Верст» их выпуск был прекращен по характерной причине: финансировать такое шикарное по меркам эмиграции издание было больше невозможно. В апреле 1928 г. Сувчинский стал настойчиво продвигать идею евразийской газеты, которую поддержали П.С. Арапов, а Савицкий выступил против, указывая, что евразийство финансово не потянет это издание. В спорах предлагалось наименование «Евразиец», но, в конце концов, остановились на вызывающей и с большой претензией – «Евразии». Это был характерный алгоритм проектов Сувчинского: затевалось нечто очень амбициозное, но вскоре дело с треском проваливалось и оставляло после себя массу изданного, но не востребованного. В случае с изданием «Евразии» Сувчинский рассчитывал на поддержку Сполдинга и его «золотой дождь» финансов. Возможно, ему казалось, что при усилении активности финансирование должно увеличиваться, поскольку, действительно, год от года Сполдинг прибавлял к евразийской сумме, по мере разрастания евразийских проектов, хотя финансы явно отставали от евразийских дел и проектов.

В ситуации обозначившихся противоречий между лидерами Трубецкой поставил условием своего согласия на участие в «Евразии» редакционный компромисс между всеми участниками, так, чтобы голос всех трех лидеров – самого Трубецкого, Сувчинского и Савицкого – был равнозначен:

Я допускаю целесообразность того, чтобы кто-то проповедовал наши идеи эзоповым языком, пользуясь марксистской терминологией и притворяясь марксистом. Но это допустимо только при соблюдении

действительности, это отношение намечалось как просто апологетическое и совпадающее с точкой зрения существующей власти» (см.: *Трубецкой Н.С.* Указ. соч. С. 295).

следующих условий: 1) – чтобы те, кто этим занимается, ясно сознавали, что все это делается только из тактических соображений и что на самом деле евразийство с марксизмом ничего общего не имеет и иметь не желает; 2) – чтобы те, кто этим занимается, будучи тайными хлебниками [евразийцами] и поддерживая с нами теснейшую связь, в своей экзотерической пропаганде себя хлебниками не называли; 3) – чтобы те из основоположников или уже литературно известных хлебников, которые примут письменное участие в этой экзотерической пропаганде, писали под псевдонимами. Без соблюдения этих трех условий экзотерическая пропаганда названного типа сделает невозможной какую бы то ни было эзотерическую работу, т[о] е[сть] работу по разработке и углублению хлебной системы как таковой (а ведь эта работа, конечно, самая главная!). Нельзя строить религиозное мировоззрение, когда рядом какие-то агенты хлеба [евразийства] искренне верят, что хлеб есть новая редакция материализма... <...> Невозможно, чтобы один и тот же человек за полной своей подписью в одном журнале восхвалял Маркса и Ленина, а в другом их опровергал и поносил. Все это я пишу во избежание каких-либо недоразумений и прошу выяснить определенно, чем будет предполагаемый орган, – хлебным официозом или³⁵ марксоидально-экзотерическим тайнохлебным пропагандным листком³⁶.

Говоря об эзотеризме и экзотеризме, Трубецкой имел в виду евразийскую проповедь в эмиграции и в СССР. Очевидно, что Трубецкой также опасался марксистских увлечений Сувчинского.

Савицкий с трудом, но все же согласился на издание «Евразии», но предложил внести в заголовок – «Орган Парижской евразийской группы, или центра», чтобы ответственность была только на парижанах. Впрочем, этого пожелания не учли, участники парижской группы вообще перестали считаться с Савицким. Вместо предлагаемого подзаголовка в первом номере дали рекламу книги Сполдинга “Russia in Resurrection a summary of the views and of the aims of a new party in Russia”, предлагая читателям приобрести книгу за 50 франков. В качестве девиза газеты вынесли пышную фразу из программного текста 1927 г.: «Россия нашего времени вершит судьбы Европы и Азии. Она – шестая часть света ЕВРАЗИЯ – узел и начало новой мировой культуры».

Газета «Евразия» по существу стала миксом двух предыдущих проектов Сувчинского: просоветского «Информационного бюллетеня» и литературного журнала «Версты». Соединить под одной

³⁵ Выделено автором документа.

³⁶ *Трубецкой Н.С.* Указ. соч. С. 283–284.

«крышей» эти две концепции, казалось бы – странная идея. Но для Сувчинского подобная задача была принципиально важна, поскольку соответствовала его прочтению марксистской идеи: дело и мысль должны быть неразрывны. Это точно отражало его видение и понимание евразийства в 1928–1929 гг.: как проект нового будущего, как его личная «лебединая песня». Об этом же писал Сувчинскому его корреспондент Н.В. Устрялов³⁷, склонявший его к принятию «советской действительности»: «Началась объективно и реально новая эпоха»³⁸. Это воплощается в грандиозном «социалистическом строительстве», преобразовании действительности и имеет космические измерения. В последнем пункте его убеждала философия Н.Ф. Федорова. Коммунизм и есть федоровское «общее дело», которое находит себя в огне, стали, электричестве, преобразуя землю и душу русского народа.

Казалось бы, эта новая сильная нота в евразийстве должна была сама по себе возмутить до глубины души Савицкого. Но, похоже, он не понял всей грандиозности замысла Барина. Формально раскол начался из-за, по сути, ничтожно малого текста, который Сувчинский планировал поместить на первую страницу первого номера «Евразии». Речь шла о заметке Марины Цветаевой «В.В. Маяковский в Париже» (в конце концов Сувчинский поместил ее на последней, восьмой странице). Заметка стала последней соломинкой, последней каплей, которая разрушила хрупкое равновесие, на котором балансировало евразийское единство (по факту оно давно уже было химерой). Далее события развернулись следующим образом. Сувчинский, возможно, надеялся, что Савицкий отступит от своего непримиримого курса и признает, что новая эпоха требует нового языка и новых тем. Во втором номере видимость единства все же присутствовала: «Евразия»

³⁷ Устрялов Николай Васильевич (1890–1937), политический мыслитель, обществовед, публицист, один из идеологов сменовеховства. В 1920 г. эмигрировал в Маньчжурию, в 1920–1924 гг. профессор Русского юридического института в Харбине. В 1926–1930 гг. вел переписку с П.П. Сувчинским, которая прекратилась по инициативе Сувчинского после Кламарского раскола. П.П. Сувчинский, не уведомляя Трубецкого, пригласил Устрялова к сотрудничеству в газете «Евразия», на что Устрялов согласился и прислал несколько статей, которые были напечатаны. В 1935 г. вернулся в Советский Союз, в 1937 г. был арестован и расстрелян по обвинению в антисоветской деятельности.

³⁸ Устрялов Н.В. Письма к П.П. Сувчинскому. 1926–1930 (сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной). М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 22.

№ 2 вышла со статьями (заранее запланированными и уже согласованными) Н.С. Трубецкого («Идеократия и пролетариат»), П.П. Сувчинского («Новый “Запад”»), П.Н. Савицкого («Обзор СССР. О русских курортах»), а также со статьями В.П. Никитина³⁹, Д.П. Святополк-Мирского⁴⁰, В.Н. Ильина⁴¹, В.Э. Сеземана⁴²,

³⁹ *Никитин Василий Петрович* (1885–1960), востоковед, дипломат, иранист, специалист по курдам. До 1919 г. служил в российском Министерстве иностранных дел, был консулом в Урмии (Персия) до 1913 г. и драгоманом российской миссии в Тегеране. С 1919 г. жил в Париже. Один из активных лидеров Парижской евразийской группы, почетный член Евразийского клуба (1927), постоянный лектор Евразийского семинара в Париже. После Кламарского раскола отошел от евразийского движения.

⁴⁰ *Святополк-Мирский Дмитрий Петрович* (1890–1939), князь, литературовед, критик, публицист. С 1918 г. в эмиграции. С 1920 г. жил в Англии. В 1922 г. познакомился с евразийскими идеями, в 1925 г. написал для «Евразийского временника» статью «О московской литературе и протопопе Аввакуме». Соредатор и ведущий литературный критик журнала «Версты», член редколлегии и постоянный автор газеты «Евразия». Во время Кламарского раскола примкнул к группе П.П. Сувчинского. В 1931 г. вступил в Коммунистическую партию Англии и написал апологетическую книгу о В.И. Ленине. В 1932 г. получил советский паспорт, вернулся в СССР, был принят в Союз советских писателей. В 1937 г. был арестован, погиб в лагере под Магаданом.

⁴¹ *Ильин Владимир Николаевич* (1890–1974), философ, богослов. Приват-доцент Киевского университета. С 1919 г. в эмиграции, жил в Константинополе, с 1923 г. в Берлине, с 1925 г. в Париже. С 1923 г. участник евразийского движения. С 1925 г. профессор Свято-Сергиевского православного богословского института. Член Парижской евразийской группы, в период Кламарского раскола примкнул к группе Савицкого. Участвовал в евразийском Учредительном съезде 1931 г., один из авторов программы «Декларация. Формулировка. Тезисы–1932».

⁴² *Сеземан Василий* Эмильевич (1884–1963), философ, публицист. В 1909 г. окончил Санкт-Петербургский университет, где сдружился с Н. Гартманом (1882–1950). В 1909 г. командирован в Германию, изучал философию в Марбурге и Берлине. С 1913 г. приват-доцент Петербургского университета. В 1914 г. ушел санитаром-добровольцем на фронт. В 1915 г. женился на А.Н. Насоновой (Сеземан, потом – Клепинина). В 1918 г. переехал с женой и сыном в Вятку, где читал лекции в Вятском пединституте. В 1919–1921 гг. доцент Саратовского университета. В 1921 г. эмигрировал в Финляндию, с 1922 г. жил в Германии, с 1923 г. по приглашению работал в Каунасском университете, с 1940 г. профессор Вильнюсского университета. Сотрудничал с евразийцами, регулярно

Э.Э. Литauer⁴³ и двух авторов, опубликовавших статьи под псевдонимом (В.-ч. и Амикус).

Тем не менее Савицкий решил пойти на принцип. Он не принял Сувчинскому публикацию Марины Цветаевой. Савицкий принял публикацию как вызов, знак окончательного разрыва, поскольку это было нарушением условия, при котором Трубецкой дал согласие на издание газеты: ни один материал не может быть напечатан в газете, если против его помещения возражает хотя бы один из тройки лидеров. Савицкий информировал Трубецкого о ситуации, и тот принял решение о выходе из евразийской организации. Открытое письмо Трубецкого было помещено в № 7 газеты «Евразия»:

За последнее время окончательно обнаружилась невозможность примирения тех крупных идеологических разногласий, которые существуют в евразийской среде. Раскол стал фактом, которого невозможно замалчивать. В частности, приходится отметить, что газета «Евразия» в вышедших до сих пор номерах отражала почти исключительно только одно из течений Евразийства, при том, течение, склонное к замене ортодоксально-евразийских идеологических положений элементами других, ничего общего с евразийством не имеющих учений (марксизм, федоровство). <...> Поэтому я заявляю о своем выходе из газеты «Евразия» и из евразийской организации. <...> ...нести ответственность за теперешнюю эволюцию евразийства я при создавшихся условиях не могу и не хочу⁴⁴.

участвовал в евразийских изданиях, в том числе под псевдонимом В. Чухнин. В 1935 г. в письме к Савицкому известил о своем выходе из евразийской организации. В 1937 г. женился на В.Б. Ковригиной (урожденной фон Доберт). В 1946–1947 гг. оказывал материальную помощь Савицкому, находящемуся в заключении. В 1947 г. оформил советское гражданство. В 1950 г. арестован советскими спецслужбами, приговорен к 15 годам заключения. В 1956 г. освобожден, в 1958 г. реабилитирован.

⁴³ *Литауэр Эмилия Эмануиловна* (1902–1941) родилась в Санкт-Петербурге. После революции эмигрировала. Изучала философию в Германии, ученица Э. Гуссерля, закончила филологический факультета Сорбонны. Переводчица и литературный работник. Постоянный автор газеты «Евразия», входила в Парижскую группу Сувчинского. Была завербована ОГПУ. После Кламарского раскола вступила во французскую компартию. В 1936 г. вернулась в СССР, в 1939 г. была арестована и в 1941 г. расстреляна, позже реабилитирована.

⁴⁴ *Трубецкой Н.С.* Письмо в редакцию // Евразия. 1928. № 7. С. 8.

Письмо было подписано 31 декабря 1928 г.
В ответ редакция прокомментировала:

В руководящих своих статьях «Евразия» последовательно раскрывает и развивает мысли, которые Редакция считает основными положениями Евразийства. Все новое, смущающее Трубецкого, объясняется, во-первых, тем, что перед Евразийством, как движением, встают новые задания и проблемы⁴⁵.

Среди «заданий» и «проблем» как раз и названы – осмысление марксизма и «замечательное построение» философии Федорова. Уход Трубецкого назван «недоразумением», которое, как надеется Редакция (П.П. Сувчинский), скоро рассеется, и Трубецкой вернется в евразийские ряды. Надежды Сувчинского не оправдались – Трубецкой давно мечтал сбросить непосильное бремя евразийства. Пережив инсульт в 1926 г., он испытал ужас при мысли о том, что не успеет сделать в языкознании того, что должен и может, отдавая силы на евразийство. Незадолго до выхода он написал Сувчинскому знаменитое письмо, в котором признался в «ненависти к евразийству»:

Евразийство для меня тяжелый крест, и при том, совершенно без всяких компенсаций. Поймите, что в глубине души я его ненавижу, и не могу не ненавидеть. Оно меня сломало, не дало мне стать тем, чем я мог бы и должен бы стать. Бросить его, уйти из него, забыть про него – было бы для меня высшим счастьем⁴⁶.

После выхода из евразийской организации Трубецкой с упоением погрузился в научные исследования, создал контуры фонологии как новой лингвистической дисциплины.

После выхода из евразийства Трубецкого Савицкий собирает в 1929 г. съезд сторонников⁴⁷, на котором было принято постановление о вредном и антиевразийском курсе Парижской группы. Сторонники Савицкого издали брошюру «О газете “Евразия”» с главным тезисом о том, что она «не есть евразийский орган»⁴⁸.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ *Трубецкой Н.С.* Указ. соч. С. 269.

⁴⁷ Карсавин на допросе от 10.08.1949 г. показал, что данный съезд проходил в 1929 г. «в пограничном мест[ечке] Сент-Эвинае на берегу Женевского озера в Швейцарии» (Дело. Л. 72).

⁴⁸ См.: О газете «Евразия» (газ. «Евразия» не есть евразийский орган) / Н.Н. Алексеев, В.Н. Ильин, П.Н. Савицкий. Париж, 1929. С. 31.

Кстати, один из авторов этой брошюры, В.Н. Ильин, публиковал в каждом номере газеты «Евразия» свои статьи. Книги другого автора брошюры, Н.Н. Алексеева⁴⁹, рекламировались в газете из номера в номер. Создается впечатление, что Савицкий, который приписывал Сувчинскому «морально недостойное поведение» и также уклонение в псевдорелигиозную ересь⁵⁰, убедил часть евразийцев, что разрыв абсолютно необходим для сохранения чистоты евразийского учения и перспектив его будущего развития.

Многое указывает на то, что Савицким двигала не до конца ясная ему самому тревожная интуиция. Ощущая, что с Парижской группой «что-то не то», он явно не мог сформулировать, что именно. Главной же проблемой Парижской группы была не философия, и даже не газета «Евразия» (все семь номеров которой, вышедшие до раскола, посвящены на 80% вопросам литературы, философии, искусства, науки и т. д.). Главным источником розни была инфильтрация группы агентами советской разведки, которые, шаг за шагом, отравляли атмосферу личных отношений, разлагали группу изнутри. Как видно из протоколов допросов этих арестованных позже агентов, они не были объединены в ядро, каждый считал себя единственным источником информации и исполнителем указаний дирижирующего (на самом деле!) всеми центра. Каждый агент причастен чему-то грандиозному в своей миссии помощи Родине, но этому сопутствовал и страх разоблачения...

В любом случае, в истории с Кламарским расколом переплелись вместе и личные мотивы – амбиции, недоверие, антипатии и т. д., и мрачная, теневая деятельность ОГПУ, философские и

⁴⁹ Алексеев Николай Николаевич (1879–1964), философ, правовед. Профессор Московского университета. С 1920 г. в эмиграции, жил в Турции, Чехословакии, Германии, Франции, Швейцарии. Инспектор русской школы в Константинополе (1921). Профессор Русского юридического факультета в Праге (1922–1931). Профессор Русского научного института в Берлине (1931). В 1926 г. примкнул к евразийству, стал главным политологом-правоведом евразийского движения. Регулярно участвовал в евразийских изданиях (1927–1937). Во взглядах на сущность государственного правления прошел эволюцию от идеократического этатизма (1920-е – первая половина 1930-х гг.) до утверждения идеи демократического «гарантийного» государства (с 1935).

⁵⁰ Савицкий считал, что Сувчинский отрицал наличие зла в мире, пытаясь изучать марксизм и философию Федорова. В действительности идею о зле как недостатке добра Сувчинский подхватил у Карсавина, под сильным влиянием личности которого он находился, и воспроизводил ее далее, не совсем понимая ход карсавинской мысли.

искусствоведческие взгляды и пристрастия, поэтому в дальнейшей исследовательской работе по реконструкции и анализу этого сложного, противоречивого периода евразийства необходимо разделять религиозно-философские, идеологические, агентурно-организационные и межличностные процессы. Этому в немалой степени содействуют публикуемые ниже документы из Пакета № 2 уголовного дела Карсавина, ярко дополняющие событийную историю евразийского кризиса 1927–1929 гг.

* * *

Первое публикуемое письмо – от А.Н./Нины Сеземан⁵¹ от 19 мая 1927 г. представляет собой ее ответную и, как можно увидеть, психологически расчетливую реакцию на подозрения соратников в том, что она продолжает отношения с представителями «Треста», вероятными агентами ОГПУ, а не ограничила свои контакты «правоверными» трестовцами, одобренными для контактов Сувчинским.

Второе публикуемое письмо, вероятнее всего, написано до 20 октября 192[8] г.⁵², его автором является С.Я. Эфрон. По нему можно судить о происходившей поляризации евразийства. Эфрон пишет письмо перед выходом газеты, после проведенной предварительно работы, суть которой заключается в том, чтобы устранить пражан и отдать все ключевые должности и темы парижским евразийцам. Интриги парижских евразийцев, перетягивание на свою сторону П.Н. Малевского-Малевица, через которого совершалось финансирование, оппозиция Савицкому, уничижительные отзывы о К.А. Чхеидзе, Н.А. Дунаеве, опасение за востоковеда Никитина, который симпатизирует лидеру Пражской группы – все это находит отражение в его письме. Эфрон уверен в победе своего направления, состав статей для газеты сильный, он предвкушает успех. Реальность тем не менее оказалась иной: именно пражские

⁵¹ *Сеземан Антонина (Нина) Николаевна* (1894–1941), дочь академика Н.В. Насонова, внучатая племянница вице-адмирала В.А. Корнилова. Домашние и друзья звали ее Нина. Родилась в Варшаве, закончила Смольный институт, училась живописи у К.С. Петрова-Водкина. В 1922 г. эмигрировала через Финляндию в Европу, переводчик, писатель. В первом браке с В.Э. Сеземаном взяла фамилию мужа, во втором браке с Н.А. Клепининым стала Клепинина.

⁵² Для лучшего понимания истории Кламарского раскола письма публикуются в порядке, соответствующем хронологии их написания. Этот порядок не совпадает с пагинацией документов, обозначенной в ходе следствия.

евразийцы обеспечивали устойчивость всей хрупкой конструкции, завязанной на газету: после разрыва статьи «Евразии» резко политизировались, ушло разнообразие тем, она приобрела все более сектантский характер.

Третье публикуемое письмо на бланке Евразийского книгоиздательства от 20 октября 1928 г. получено Л.П. Карсавиным от К.Б. Родзевича, который убеждал его в верности выбранного курса, в свою очередь (по всем признакам знакомый с предшествующим письмом Эфрона) критически отозвался о пражанах. Многие дает основания предположить, что отношение Парижской группы к участникам Пражской как к убогим ретроградам было общим. Запрос Родзевича о возможности организовать продажу газеты в Литве содержит в себе двойное послание: автор намекает на то, что газету неплохо было бы распространять не только в Литве, но, возможно, найти пути переправки ее в СССР, минуя каналы «Треста». В последней просьбе можно увидеть как недалёковидность парижан, их завышенное, неадекватное представление о самих себе и своих возможностях, так и попытку агента ОГПУ выяснить неизвестные советские каналы связи евразийцев. Во всяком случае в допросах всех арестованных следователи тщательно выясняли именно то, какими путями участники евразийской организации переходили границу и передавали в СССР и обратно литературу.

Четвертое публикуемое письмо П.П. Сувчинского от 2 ноября 1928 г. показывает некоторую душевную усталость парижского лидера, который непосредственно имел столкновения с разгневанным Савицким. Внутри Парижской группы явно наметилось размежевание: Алексеев был готов поддержать Савицкого, поиск ярких статей и авторов для еженедельного издания в условиях раскола оказался затруднен. Поэтому Сувчинский неслучайно спрашивал Карсавина о возможности найти авторов в Литве. Нет сомнений в том, что с этой просьбой он обращался по всем возможным каналам. Таким образом, в редакции все больше проявлялся дефицит авторов, тем, статей.

Пятое публикуемое письмо от К.Б. Родзевича от 12 ноября 192[8] г. на бланке Евразийского книгоиздательства показывает так и нерешенную проблему механизма распространения газеты. Автор просит разузнать о возможностях распространения в Ковно. Под тяжестью нарастающих проблем Родзевич начал освобождаться от предыдущей общегрупповой заносчивости и предполагать, что издание газеты возможно только в тандеме Савицкий – Сувчинский.

Шестое публикуемое письмо С.Я. Эфрона от 29 октября 1929 г. представляет собой свидетельство начавшегося кризиса, в том

числе и в финансовой сфере. Долги по аренде, изданию, оплате авторских гонораров, раскол уже внутри самой Парижской группы – атмосфера, описанная Эфроном, вряд ли способствовала творческой, философской или какой бы то ни было иной работе. Парижане стали жертвой своего высокомерия и неспособности трезво оценить обстановку.

Приложение

Письма Антонины (Нины) Сеземан, Сергея Эфрона,
Константина Радзевича, Петра Сувичнского
к Льву Карсавину⁵³

1

[*Письмо Антонины (Нины) Сеземан*]⁵⁴

[Л. 1]

19.V.27

5, Rue Voucaut

Paris XV

Дорогой Лев Платонович!

Очень прошу Вас отнестись серьезно к тому, что я пишу и серьезно мне ответить.

Я знаю, что вы все, т. е. мои «защитники» и Вы с баринном [П.П. Сувичинским], подозревали меня во время всей этой скверной истории в симуляции, мистификации, в том, что я все это сама подстроила и проч[ее]. Мои «охранители», в частности Нечаев⁵⁵, так глупо и неумело вели себя,

⁵³ Документы предоставлены В.И. Шароновым. Публикуются на основании письменного разрешения Особого архива Литвы. Подготовка к публикации и комментарии: К.Б. Ермашина, В.И. Шаронов.

⁵⁴ Письмо Антонины (Нины) Николаевны Сеземан адресовано Л.П. Карсавину и приобщено вместе с другими ниже публикуемыми документами в: Пакет № 2. 7 (31-32). Текст рукописный, выполнен синими чернилами на обеих сторонах двух листов формата А4. Имеет на первом листе в верхней части крупную подчеркнутую рукописную помету синим карандашом «№ 12 К». (Помета, вероятнее всего, проставлена следователем для быстрой ориентации при проведении допросов. Литера «К» соответствует первой букве фамилии Клепининой.) Рукописная пагинация не совпадает с хронологической датировкой написания самих документов, что указывает на ее исполнение в целях следствия.

⁵⁵ *Нечаев Василий Александрович* (1887–1964). Закончил Алексеевское военное училище. Воевал в составе Донской армии в воинском звании штаб-капитана. Эвакуирован из Крыма в Болгарию, с 1920 г. жил в Париже.

что я все время чувствовала, что меня подозревают в какой-то гадости и что занимаются не столько розыском на стороне, сколько сыском в моей квартире⁵⁶ и травлей, направленной на меня.

[Л. 1 об.] Пока я точно не узнала смысла Ваших подозрений, я не считала себя в праве как-нибудь высказываться по этому поводу. Один раз, в самый разгар всей истории, я попробовала говорить об этом с Росси⁵⁷ и Клепининым, но они так горячо стали уверять меня что ничего худого не думают, что я увидела бесполезность моих вопросов. Теперь я знаю (от Клепинина и барина) что вы все тогда думали.

Если бы дело шло только о личном Вашем ко мне отношении, я бы, вероятно, не стала бы Вас спрашивать. Но дело мне представляется следующим образом:

Если⁵⁸ Вы думаете до сих пор или хотя бы только подозреваете во мне существо способное на истерическую симуляцию, на [Л. 2] систематическую лживость болезненного свойства, то, мне кажется, Вы не должны терпеть такого человека в близости к евразийству.

Какое бы малое отношение я не имела к конкретной евразийской работе – все-таки я нахожусь все время в сфере евразийства, хожу на закрытые собрания, слышу всякие разговоры и т. п. Если у Вас есть хоть чуть подозрения что я способна на такие фокусы – Вы должны меня отставить возможно дальше. С другой стороны, мне самой представляется невоз-

⁵⁶ Н.А. Клепинина лукавит, так как она добровольно предоставила евразийцам часть личных жилых помещений. Об этом она сама рассказала на допросе от 27.12.1939 г.: «Моя практическая деятельность, как участницы «Евразийской» организации в период с 1926 по 1929 год выражалась в следующем: проводила пропагандистскую и вербовочную работу, предоставляла свою квартиру /одну комнату/ для канцелярии «Евразийской» организации и выполняла различную техническую работу, как-то переписку различных материалов организации, клуба «Евразийцев» и оказывала содействие в проведении встреч между Сувчинским и неизвестными мне лицами» (Протокол допроса Обвиняемой Клепининой-Львовой Антонины Николаевны от 27 декабря 1939 года // Дело. Л. 215–216).

⁵⁷ *Росси Владимир Эмильевич* (1894–1947). Выпускник Пажеского корпуса (1913) корнет Лейб-гвардии Конно-Гренадерский полка. На торжествах в честь 300-летия дома Романовых был пажом дочери Николая II, Великой княжны Татьяны. Участник Первой мировой войны, за храбрость награжден тремя орденами. Полковник Добровольческой армии. Эмигрировал в Константинополь, затем жил в Италии и Франции. В 1929 г. переехал в Шанхай. Подробности его жизни изложила дочь Ольга Хоукс в книге: Hawkes, O. and Hawkes, J. (2009), *Russian at Heart. Sonechka's Story. Olga & John Hawkes*. Wily Publications, Christchurch, New Zealand.

⁵⁸ Подчеркнуто автором документа.

можным принимать в евразийской жизни какое-нибудь участие, если в самой головке евразийства есть люди, считающие меня истерической симулянткой. Ведь каким бы патологическим манером Вы не объяснили подобную гипотезу – все же в такой симуляции всегда есть большая доза моральной развращенности и лживости. Я пишу именно [Л. 2 об.] Вам, т[ак] к[ак] из разговора с баринoм я заключила что oн этого не думает и мне верит. Ваше же отношение мне не ясно.

На основании всего сказанного, очень прошу Вас серьезно и по чести ответить: осталось ли у Вас что-нибудь от тогдашних подозрений на мой счет. Вы должны иметь в виду что личное мое отношение к Вам несколько не изменится – каков бы Ваш ответ ни был и что в смысле наших частных отношений (с Вами и Вашей семьей⁵⁹) я не сделал из него никаких выводов. Вывод должен быть мною сделан только в смысле близости к евразийству.

Если же Вы считаете Ваши подозрения теперь вздором и мне верите, – то я считаю, что Вы и барин должны об этом сказать тем, кому Вы эти подозрения в свое время сообщали и внушали.

Искренне уважающая Вас Нина Сеземан

Письмо адресовано мне и изъято у меня при обыске. Л. Карсавин⁶⁰

2

[Письмо Сергея Эфрона]⁶¹

[Л. 1] Дорогой Лев Платонович, приступаю к этому письму накануне приезда Савицкого. Завтра начнется схватка вплотную Парижа с Прагой⁶².

⁵⁹ На момент написания письма семья (жена и три дочери) Карсавина, переехавшего в первых числах 1927 г. в Ковно, оставалась в Кламаре и проживала там до 1934 г.

⁶⁰ Надпись рукой Карсавина здесь и в других публикуемых документах сделана фиолетовыми чернилами. В данном документе расположена в левом нижнем углу листа.

⁶¹ Письмо исполнено черными чернилами и, начиная с листа № 3, – синими чернилами на чистых листах бумаги размером 210x210, предназначенных для машинописи. Письмо предположительно написано в конце октября 1928 г., на что указывают описанные в нем обстоятельства и вероятная ссылка на него в следующем публикуемом письме К.Б. Родзевича от 20 октября 1928 г. Имеет собственную пагинацию, исполненную карандашом, на лицевых сторонах страниц: Л. 7 (28–31) из Пакета № 2. Имеет также крупную рукописную помету синим карандашом «№ 10 Е». Литера Е подчеркнута и соответствует первой букве фамилии Эфрона.

⁶² То есть представителей Парижской и Пражской евразийских групп. П.Н. Савицкий сумел создать в Праге евразийское сообщество на базе

Прежде всего простите, что до сих пор не писал Вам. Последние недели был предельно нагружен и газетной (подготовительной) работой, и бесконечным внутре[нными] совещаниями, беседами, увещеваниями и обедами. Постараюсь все изложить по порядку.

После Вашего отъезда в скором времени приехал Малевский. *Наши опасения о возможной смычке пражского булата с лондонским златом оказались к счастью неосновательными*⁶³. Арапов до такой степени [Л. 1об.] обработал М-[алев]ского, что этот последний буквально пышет злобой на своего тезку⁶⁴. Чтобы закрепить парижскую ориентацию М-[алев]ского мы его непрерывно и всячески ублажали и, кажется, переборщили. Он начал во все путаться и очень навязчиво, и оч[ень] бездарно. Пришлось от объятий перейти к обороне, что вызвало некоторое охлаждение. Должен признаться П.П. был прав, человек этот в больших дозах ужжасен⁶⁵. Мы все увязли в нем как мухи на меду. Он всюду следовал за нами по пятам, не давал ни говорить, ни работать. Он приходил с утра в редакцию, садился за мой стол и болтал до вечера. И о чем!

Все слышанное от П.П. [Сувчинского] и П.С. [Арапова] переиначивалось и приспособлялось к его масштабу: «абсолютность метода», «преображение эмпирии», богословские вопросы – все, что он слышал – все выливалось ушатами [Л. 2] касторки на наши головы. Но Бог с ним! Почувствовал ли он, что нам мешает, но с некоторых пор он

Русского юридического факультета. Около 40 постоянных членов группы, среди которых больше всего было историков (М.В. Шахматов, Г.В. Вернадский, С.Г. Пушкарев), регулярно проводили семинары с обсуждением широкого ряда тем – история, историософия, славянофильство, монгольский фактор в истории России и т. д. Печатным органом пражан стала «Евразийская хроника» (с 1925 по 1937 г. вышло 12 номеров). Парижская группа под руководством П.П. Сувчинского возникла после переезда последнего в Париж в 1926 г. На базе Парижской группы были созданы Евразийское издательство, Евразийский семинар (под руководством Л.П. Карсавина), Евразийский клуб, библиотека, касса взаимопомощи. С самого начала евразийские семинары в Париже начались как политические. Печатным органом Парижской группы стала газета «Евразия». Парижская группа распалась в течение 1929–1930 гг., некоторые ее члены (В.Н. Ильин, В.П. Никитин, В.Э. Сеземан) примкнули к Савицкому и организовали новую Парижскую евразийскую группу, которая была немногочисленна, хотя довольно продуктивна в плане издательской работы.

⁶³ Здесь и далее в публикуемых документах подчеркнутое красным карандашом, вероятнее всего, следователем выделено курсивом.

⁶⁴ Как и Петра Николаевича Савицкого, Малевского-Малевица тоже звали Петр Николаевич.

⁶⁵ Так в письме.

перенес свою деятельность во вне. И это оказалось гораздо более опасным. Случилось то, чего я боялся. П.Н. объединился с Никит[иным]. Но об этом позже.

Попутно и неожиданно легко ликвидировалась история [Д.П. Святополк-]Мирский – П.Н. [Малевский]. Был устроен обед, Мирский встретился с П.Н. [Малевским] на ты.

Перехожу к газете. *Чхеидзе*⁶⁶ оказался убожеством из убожеств⁶⁷. Дунаев⁶⁸ рядом с ним совершенство. Я долго не знал, как подойти к подобному соредктору и в конце концов предоставил его самому себе. Его не удалось приспособить ни на какую работу. За что бы он ни брался – все оказывалось не по силам. Был момент, когда я потерял терпение и заявил П.П. [Сувчинскому], что с таким якорем на шее газеты не поднять. П.П. предложил переконструировать «редакцию» – вместо нынешнего ее со-

⁶⁶ *Чхеидзе Константин Александрович* (1897–1974), публицист, писатель, общественный деятель, член Пражской группы евразийцев. С 1920 г. в эмиграции, с 1923 по 1928 г. учился в Русском юридическом факультете в Праге и был оставлен при кафедре государственного права. Член Союза русских писателей и журналистов в Чехословакии. В 1924 г. примкнул к евразийству, в 1927–1928 гг. был заведующим отделом евразийской организации в Праге, состоял членом редакции газеты «Евразия», но не смог выполнять работу из-за активного противодействия группы П.П. Сувчинского. Автор и соредактор «Евразийского сборника», председатель редколлегии журнала «Евразийские тетради». В 1945 г. был арестован в Праге и приговорен к 10 годам заключения. В 1956 г. вернулся в Прагу. По неизвестной причине (близкие предполагали душевное расстройство) покончил с собой.

⁶⁷ Несмотря на уничижительную и весьма субъективную оценку кн. К.А. Чхеидзе, его статьи публиковались в «Евразии» (в частности «Теория двух состояний» А.П. Щапова // *Евразия*. № 4. 15 декабря. 1928. С. 5–6). В эмиграции Чхеидзе состоялся как писатель-романист (автор семи романов), писатель, прозаик, литературный критик, хотя большая часть его произведений была написана на чешском языке. Как политический мыслитель Чхеидзе был довольно слаб. См. о нем: *Чхеидзе К.А.* Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма. (сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой). Москва, 2011.

⁶⁸ *Дунаев* Николай Александрович (1902–1931), юрист. О нем известны сведения, записанные П.Н. Савицким: «кончил горный факультет в Праге, способный экономист и юрист (см. его статью в «Тридцатых годах»). Покончил жизнь самоубийством, бросился с Триумфальной арки в Париже (на романической почве)». (ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Ед. хр. 359. Л. 257). Соч: *Дунаев Н.* Правомочие и его виды // Тридцатые годы. Утверждение евразийцев. Книга VII. Париж, 1931. С. 255–281.

става [Л. 2 об.] пригласить в редакцию П.Н. Савицкого, оставить в ней меня и оглавить ее П.П. С[увчинским]. После недолгих размышлений и совещаний этот проект был оставлен, хотя П.П. [Сувчинский] оч[ень] за него держался.

В настоящее время создалось любопытное положение. Редакционная работа идет полным ходом. Парижане единодушны (за исключением В.П. Н[икитина]). Материал поступает прекрасный – пожалуй у нас еще не было такого подъемного и рабочего состояния (И Вы! Вы – не с нами!!!) и на фоне этого общего подъема, и в буквальном смысле первого нашего ответственного дела – унылая фигура Чх[ейдзе], с к[оторым] все ласковы, предупредительны и обходительны и к[оторы]й – никак, ни к кому и ни к чему. Чем все это кончится – не знаю. Знаю [Л. 3.] одно, что работа идет хорошо, что дело наше осуществляется, и что пробная мобилизация наших сил прошла прекрасно.

В портфеле редакции – 3 Ваших статьи, 2 Сувчинского, 2 Мирского, 1 Никитина, 1 Ильина, 1 Сеземана, 1 Арапова, 1 Адлера⁶⁹, 1 моя, 1 Иванова⁷⁰, ...имской⁷¹ – ожидаем поступления от А. Лурье⁷², Иностранцев (Грот....⁷³,

⁶⁹ *Адлер Александр Севастьянович* (1903–1945), один из активистов Парижской группы евразийства, помогавший в создании газеты «Евразия», публиковал почти в каждом номере статьи политического и общесоциологического содержания на темы «я» и «не-я», единство и организация, диалектика. Упоминается также в письмах Д. Святополк-Мирского. Историк Д.А. Волкогонов сообщил о найденных документах А.С. Адлера как агента НКВД.

⁷⁰ *Иванов Всеволод Никанорович* (1888–1971), философ, писатель. С 1922 г. в эмиграции, с 1923 г. жил в Китае, активный деятель литературной жизни русского Харбина, постоянный автор харбинских изданий («Русское обозрение», «День русской культуры», «Заря», «Рубеж»). В 1928 г. объявил себя евразийцем.

⁷¹ Фамилия написана неразборчиво, статьи авторов с похожей фамилией в газете «Евразия» опубликованы не были.

⁷² *Лурье Артур Винцент* (1892–1966), российско-американский композитор и музыкальный писатель, теоретик, критик, представитель музыкального футуризма и русского музыкального авангарда XX столетия. В 1921 г. уехал в Берлин, с 1922 г. обосновался в Париже. Сувчинский вовлек его как старого приятеля в Парижскую группу и назначил одним из официальных редакторов «Евразии». В газете были опубликованы несколько его статей о музыке и культуре. В 1941 г. после оккупации Парижа нацистами переехал в США.

⁷³ Фамилия написана неразборчиво, статьи авторов с похожей фамилией в газете «Евразия» опубликованы не были.

Дюртен⁷⁴, англичане⁷⁵ и пр.), кроме того сводки и *материал советских со-трудников*.

Материала есть приблизительно на 3 номера. Но главное не в количестве, а в качестве. И поверьте – моя оценка не пристрастна. Я оч[ень] сначала боялся, что мы не справимся с газетным рулом и стилем работы. Материал доказал, что справимся. Можно сказать больше – никто не мог ожидать, [Л. 3 об.] что материал, собранный воедино окажется столь сильным и ударным. Но скоро⁷⁶ сами в этом удостоверитесь.

Простите, что пишу несвязно, но сейчас ночь, и я оч[ень] устал.

За это время было несколько интересных встреч с российскими. Увы, про них поговорим при встрече.

В связи с завтрашним приездом П.Н. [Савицкого] я подготовил всех парижан. Думаю, все обойдется. Единственное наше слабое место – Никит[ин]. С ним очень трудно. Он ничего не понимает в политической миссии и все время пытается выйти на круг своей специальности. При наличии Малев[ского] и с приездом Сав[ицкого] это может нам сильно повредить, тем [Л. 4.] более, что Ник[итин] очарован Мал[евским] и оч[ень] почитает Сав[ицкого]. Дай Бог – все обойдется, но сил на устранение всех трений уходит больше, чем на работу.

Радуют меня парижане. Наша рабочая страда показала, что парижане дружны, сплочены, единомышленны и трудоспособны. Прекрасно работает Адлер – его вступительная экономическая статья чудесна (много придется из-за нее грызться с П.Н. [Савицким]). Оч[ень] хороша Литауэр – она работает над иностранными обзорами. За остальных я не боялся.

Товстолес еще не уехал. Он прижился и к нему прикипели. Со всеми на ты. Вообще все мы перешли на ты. [Л. 4 об.] Но Ваше место – пусто! И ждем Вашего приезда с нетерпением.

То, что еще так недавно казалось почти неосуществимым – осуществляется, и не то, чтобы оч[ень] легко, оч[ень] удачно. Встав на ноги – пошли и будем идти, вижу это твердо.

Но Ваше место – пусто!

И никакие статьи Ваши Вас заменить не могут.

⁷⁴ *Дюртен Люк* (настоящее имя *Андре Неве*) (1881–1959), врач по профессии, поэт, драматург, романист и журналист. В 1927 году он посетил Советский Союз, затем сочувственно описал свои впечатления в книге «Другая Европа: Москва и ее вера».

⁷⁵ Единственная статья иностранца *Ланселота Фрэнсиса Лоутона* (Lancelot Lawton, 1880–1947), британского историка, делавшего репортажи из России, была опубликована в «Евразии»: «Евразийство и демократия» (см.: Евразия. 29 декабря 1928. № 6. С. 1–3).

⁷⁶ Плавный переход на синие чернила, указывающий на произведенную заправку авторучки.

Хотел написать Вам толково и подробно – вышло бестолково и кратко. Глаза мои слипаются.

Как только определится обстановка с приезжим [П.Н. Савицким] – напишу еще.

Обнимаю Вас с любовью и преданностью Ваш С. Эфрон.

Изъято у меня при обыске. Л. Карсавин⁷⁷

3.

[Письмо от Константина Родзевича]⁷⁸

№ 7 Р*

7-23 [Л. 1]

20 октября 1928 года

Дорогой Лев Платонович

С.Я. [Эфрон] рассказывает Вам о нашей газетной работе и о связанных с нею мелочах евразийского быта. Мне мало что остается прибавить к этому образному письму. Скажу только, что решение издавать газету уже принесло свои благотворные плоды в среде самих евразийцев. Прежде всего, оно обнаружило свою невосприимчивость и бессилие так наз[ываемого] «пражского толка». Теперь очевидно, что окружение П.Н. [Савицкого] ничтожно и непрочно. С другой стороны, газетное дело консолидировало нашу парижскую группу. От всех требуется активное и ответственное участие, и эта общая занятость собирает и сдруживает людей. Как бы ни сложилась наша редакционная коллегия – я думаю, что «внутренние яды» будут легко нейтрализованы в насыщенном сейчас растворе евразийства.

Хорошие [новости] (?) и в отношении России. Есть основания полагать, что там нашу газету будут с интересом [читать?] и готовы с ней очень считаться. Во что все это выльется будет видно после выхода первых номеров.

Теперь позвольте занять Вас вопросами, касающимися дел конторских. Мы постепенно налаживаем [Л. 1 об.] аппарат сбыта нашей газеты в различных странах. Очень просим Вас помочь нам в этом направлении в Литве. Нам представляется необходимым следующее:

⁷⁷ Надпись рукой Карсавина вертикально по правому краю листа снизу вверх.

⁷⁸ На бланке евразийского книгоиздательства прописными и строчными: *ЕВРАЗИЙСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО EDITORS "EURASIE" 102, Rue de Rue de l'Union, Clamart, Siene, FRANCE*. Имеет собственную пагинацию на лицевой стороне 7–23 (Документ из Пакета № 2), исполненную карандашом, а также крупную рукописную помету синим карандашом «№ 7 Р». Литера «Р» соответствует первой букве фамилии Радзевича.

1) Иметь в Ковно представителя газ[етной] конторы, который свяжется бы с соотв[етствующими] фирмами, киосками и отдельными лицами (как в Ковно, так и в провинции) для организации розничной продажи газеты и подписки на нее.

2) Лицо это должно вести и сборы объявления. Желательно получить хотя бы два-три объявления от Литовских торговых фирм (на том основании, что наша газета будет иметь широкое распространение в Европе и Сов[етской] России).

3) Это лицо можно коммерчески заинтересовать процентными отчислениями с подписок, рознич[ных] продаж и объявлений.

Ради Бога, дорогой Лев Платонович, отыщите для нас в Ковно какого-нибудь разворотливого человека, который согласился бы быть нашим контрагентом в Литве. Книжные магазины за дело распространения газеты обычно не берутся (к тому же ни с каким магазином в Ковно мы не связаны – “Literatura” уклонилась от ответа) и работа только с магазинами дает крайне ничтожные результаты.

Цена газеты, предложенная в Париже – 1 фр[анк] (соответствующая в Литве). Контрагентам мы даем 33% скидки. Цена объявлений применительно к местным условиям.

Пожалуйста окажите нам свое содействие. Заранее очень Вас благодарю и прошу простить за беспокойство.

Душевно Вам преданный К. Родзевич

Шлю привет В. Ива[нова]⁷⁹

Изъято у меня при обыске. Л. Карсавин⁸⁰.

4.

[*Письмо от Петра Сувчинского*]⁸¹

2.XI – [19]28

Дорогой Лев Платонович!

Думаете-ли Вы хоть когда-нибудь о наших Клармарских друзьях и узнаете-ли всю их героичность? Вот уже две недели как идет жестокий бой. Дело дошло до того, что я впервые в моей жизни вышел в такой роли, что кричал на человека во всю глотку, стучал кулаками и чуть не выжал

⁷⁹ Приписка Родзевича по вертикали на левом поле листа снизу вверх. Написание оборвано.

⁸⁰ Надпись рукой Карсавина горизонтально в левом нижнем углу листа.

⁸¹ Письмо исполнено черными чернилами на стандартном листе 210 × 297. Имеет собственную пагинацию на лицевой стороне «7–30», исполненную карандашом, а также крупную рукописную помету синим карандашом «№ 11 Сув». Буквы «Сув» соответствуют первым буквам фамилии Сувчинского.

из квартиры. О ком идет речь – Вы догадываетесь. Но слава Богу пока что – наша взяла! Наш друг Малевский и вся группа – очень помогли. Газета в наших и след[овательно] и Ваших руках. Алексеев, кот[орый] сейчас тоже здесь покачался как слон на тарелке (есть такая дурацкая песенка)⁸² и как будто бы тоже кое-что понял. Теперь, Л[ев] П[латонович], – помогайте во всю!

Я пишу Вас[илию] Эм[ильевичу] прося его [1 сл. нрзб.] и статей для философского отдела. И обязательно просить и [1 сл. нрзб.] что-нибудь сами. О наших политических статьях пока не пишу т[ак] к[ак] у нас они имеются для первых трех номеров, а о последующих будем уже говорить в Кламаре.

Кроме того, напишите себе еще Оттокару⁸³ – я ему писал, но для убедительности.

Нет ли у вас в Ковно какой-нибудь грамотной молодежи? Прекрасно работает Адлер и Литauer. Все отделы газеты распределил между «нашими», но, конечно, борьба будет продолжаться. Пишу это только для Вас. Мне не хотелось бы, чтобы эти слухи вернулись в Париж через Ник[олая] Ник[олаевича Алексеева]⁸⁴. и т. п.

Крепко Вас обнимаю.

Я помню наши разговоры и делаю и даже уже сделал все, чтобы заслужить от Вас одобрение. Теперь газета за нами.

Целую. Сувчинский.

Изъято у меня при обыске. Л. Карсавин⁸⁵.

⁸² Имеется в виду нерешительность Н.Н. Алексеева в поддержке Пражской или Парижской групп. Песенка посвящена китайской игрушке, какие представляли собой животных и клоунов на пружине. Ручку от пружины отделяла круглая плашка, схожая по форме с тарелкой.

⁸³ *Оттокар Николай Петрович* (1884–1957), русский и итальянский историк-медиевист. Близкий друг Карсавина по Санкт-Петербургскому университету. Проректор (1917), декан историко-филологического факультета, ректор (1918–1919) Пермского университета. В конце 1922 года эмигрировал, жил в разных городах Европы. Более 30 лет прожил в Италии; работал профессором медиевистики Флорентийского университета.

⁸⁴ *Алексеев Николай Николаевич* (1879–1964), правовед, профессор права Московского университета (1917–1919), инспектор русской школы в Константинополе (1921), профессор права в Праге и Берлине (1922–1931). К евразийству примкнул в 1926 г., став главным политологом-правоведом движения. Регулярно участвовал в евразийских изданиях (1927–1937). Во взглядах на сущность государственного правления прошел эволюцию от идеократического этатизма (1920-е, первая половина 1930-х гг.) до утверждения идеи демократического «гарантийного» государства (с 1935 г.)

⁸⁵ Надпись рукой Карсавина горизонтально в левом нижнем углу листа.

5

[Письмо от Константина Родзевича]⁸⁶

[Л. 1] 12 ноября 192[8]

Дорогой Лев Платонович,

Опять пишу Вам. Сначала позвольте о делах. Нам предельно необходимо⁸⁷ *наладить экспедицию газеты в Литве*. До сих пор в этом направлении ничего не удалось сделать. Очень просим Вас помочь нам в самом *срочном порядке найти солидное лицо, или фирму, к[оторого] го или к[отор]ую мы могли бы использовать как нашего представителя* (коммерческого конечно) *по организации розничной продажи газеты и сбора подписок*. Лучше бы всего, если бы таким представителем явился кн[ижный] *магазин*, или специальная экспедиторская контора. Простите, что пристаем к вам с этим скучным делом, но оно сейчас для газеты самое насущное. Т[ак] как время до выхода газеты исчисляется днями, то мы оч[ень] просим Вас, чтобы не терять времени на переписку, переговорить с намеченным Вами лицом окончательно, а нам сообщить адрес этого лица и количество № [номеров] газеты, к[отор]ое ему надлежит выслать.

[Л. 1 об.] *Изъято у меня при обыске. Л. Карсавин*⁸⁸.

2) Нам необходимо иметь список адресов учреждений, частных лиц (литовцев, русских, евреев), к[оторы]м надлежит выслать № [номера] газеты *для ознакомления и пропаганды*.

В первую очередь нас интересуют:

Правительствен[ные] учрежд[ения]

Советские

Академические

Партийные

Общественные

При этом нам оч[ень] важно знать на чье имя газету в каждое учреждение направлять. Мы знаем, что если посылать газету в учреждение без указания лица, то газета будет застаиваться в секретариатах.

⁸⁶ Письмо написано черным чернилами на фирменном бланке евразийского издательства (*ЕВРАЗИЙСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО EDITORS "EURASIE" 102, Rue de Rue de l'Union, Clamart, Siene, FRANCE*). Имеет собственную нумерацию на лицевых сторонах «7–24», исполненную карандашом, а также крупную рукописную помету синим карандашом «№ 8», «№ 10 P». Литера «P» соответствует первой букве фамилии Родзевича. Сам Л.П. Карсавин на допросе от 19 ноября 1949 г. указал следователю автора письма и дату его написания – 12 ноября 1928 г. // Дело. Л. 209.

⁸⁷ Подчеркнуто автором документа.

⁸⁸ Надпись рукой Карсавина, горизонтально по верхнему полю листа.

Ради Бога, дорогой Лев Платонович, найдите возможность помочь нам в этих двух направлениях. *Мы бы не беспокоили Вас, если бы имели кого-нибудь в Ковно.*

Не забудьте, что просимые сведения нам необходимо получить как можно скорее.

Теперь о делах иного порядка. Вот уже много дней, как здесь С[авицк]ий и Алекс[еев]. Нам всем приходится ужасно трудно. Мое положение совсем не то, что предполагалось ранее. Я безгласен и безвластен. Единственное, что мне остается – это – воздействовать на П.П. [Сувчинского]. Все материалы редактируются П.П. [Сувчинским] и П.Н. [Савицким]. Мож[ет] быть П.П. [Сувчинским] прав, что иного способа создать газету нет, как мне кажется,

[Подпись отсутствует]⁸⁹

6.

[Письмо от Сергея Эфрона]⁹⁰

29 октября 1929 года

Дорогой Лев Платонович

Не знаю – пишет ли Вам Петр Петрович [Сувчинский], – если пишет (в чем сомневаюсь), то простите, что буду писать о том же.

После Вашего отъезда очень долго положение не выяснялось. Теперь можно считать, [что] оно достаточно прояснилось. Дней десять как приехал Малевский, окрыленный нашей беспомощностью, и довольно откровенно обнаружил свои карты. Началось все с того же, с долгов. На очереди был квартирный долг, а сейчас – уплата по следующему векселю, подписанному К.Б. [Родзевичем] (около 2000 ф[унтов]). Он дольше чем всегда канючил, но кончил тем, что за квартиру заплатил. Вопрос о векселе стоит еще открытым. Но одновременно он объявил, что собирается издавать в Лондоне на англ[ийском] яз[ыке] еженедельник под своей редакцией и пригласил сотрудничать в нем сначала Никитина, а потом В.П. Никитин заявил, что нельзя начинать разговора [Л. 1 об.] о новом деле, не ликвидировав ранее старого (вообще Ник[итин] и говорил и вел себя оч[ень] хорошо и чисто). Так обнаружилось, что [у] Мал[евского] деньги имеются. Знаем мы об этом и из другого источника – от лон-

⁸⁹ Письмо заканчивается запятой, подпись отсутствует. Очевидно, что продолжение письма утеряно. Помета сделана синим карандашом, литерой Е следователь обозначил авторство Эфрона.

⁹⁰ Письмо исполнено чернилами, имеет собственную пагинацию. нумерацию «7 (25–27)», исполненную карандашом на лицевых и оборотной сторонах, а также крупную рукописную помету синим карандашом «№ 9 Е». Литера «Е» соответствует первой букве фамилии Эфрона.

донской Голицыной⁹¹, к[оторой]й известно, что у Мал[евского] осталось еще от прежних сумм около 300 ф[унтов].

Никит[ин] предложил написать за подписями всех советчиков письмо Сполд[ингу] о необходимости срочно ликвидировать все старые долговые обязательства. Мал[евский] напугался и всячески восстал на это предложение. Взамен предложил самообложиться (*слово неточное*) (требуется около 4000 ф[унтов]) и заявил о своей готовности внести из «своих» средств 1000 ф[унтов].

«А ты, П[етр]П[етрович] сколько внесешь?» (П.П. [Сувчинский] сидит без копейки и закладывает последние вещи). П.П. выругался и ушел.

Пишу Вам об этом, чтобы Вы знали, что нам еще далеко до окончательного самоочищения. По крайней мере, два месяца мы во власти этого скота (последний разговор Мал[евского] с Радзев[ичем] был верхом хамства). Лишь после уплаты [Л. 2] декабрьского векселя можно будет с ним распрощаться и что-либо начинать.

У меня есть один оч[ень] реальный и совершенно чистый (без всяких Мал[евских] и Сполд[ингов]) план, о к[отор]м расскажу, когда приедете. Он сводится к тому, что мы можем и вольны до получения больших денег существовать издательски и не задалживаясь. Но об этом, когда приедете.

Вы, верно, уже знаете, что Ив[анова?]⁹² и Радз[евича] устроили – Ив[анова?] хорошо, а Радз[евича] на тройку с минусом. Очень плохо с П.П. [Сувчинским], но надеюсь кое-что выяснится.

Как ни тяжело некоторым из нас, но о ликвидации нет и речи. Только бы поскорей разделаться с долгами. А там увидите. Нет худа без добра, и то доброе к чему мы несомненно идем – было бы невозможным без сегодняшнего худа.

⁹¹ *Голицина Мария Георгиевна* (1893–1979), княгиня, дочь герцога Г.Г. Мекленбург-Стрелицкого и графини Н.Ф. Карловой, родная сестра княгини Екатерины Георгиевны Голицыной, известной благотворительницы, также проживавшей в Великобритании. Сестры вышли замуж за четвероюродных братьев (Екатерина Георгиевна за В.Э. Голицина, Мария Георгиевна за Б.Д. Голицина), поэтому имели одинаковые фамилии после замужества. В доме М.Г. Голицыной, увлекавшейся евразийством, Арапов познакомился с П.Н. Малевским-Малевичем, и, таким образом, был найден источник финансирования евразийской организации.

⁹² Возможно, речь идет о евразийце, члене Парижской евразийской группы Владиславе Иванове. Известна одна его статья в «Евразийской хронике»: *Иванов Владислав*. В защиту аналогий // Евразийская хроника. Вып. 9. Париж, 1927. Другой Иванов – Всеволод Никанорович (1888–1971), философ, писатель, сотрудничал с евразийцами, но в 1920-е гг. проживал в Харбине.

Уверяю Вас, что это испытание – для всех нас вообще, а для некоторых в особенности – будет благотворным.

На этом кончаю. Всего, всего вам доброго Лев Платонович. Не забывайте нас и нашего дела среди Вашей Ковинской работы.

Любящий Вас [С.Я. Эфрон]

Источники

Уголовное (следственное) дело Л. Карсавина. Levas Karsavino baudžiamoji byla // Lietuvos upatingasis archyvas (Особый архив Литвы). Ф. К.-1. Оп. 58, б. П. 11972-ЛИ.

Уголовное (следственное) дело В.Э. Сеземана. Vosylius Sezemano baudžiamoji byla // Lietuvos upatingasis archyvas (Особый архив Литвы). Ф. К.-1. Оп. 58, б. Р. 7713-ЛИ.

Алексеев Н.Н., Ильин В.Н., Савицкий П.Н. О газете «Евразия» (газета «Евразия» не есть евразийский орган). Париж, 1929. 31 с.

Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому: 1921–1928 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Русский путь, 2008. 384 с.

Устрялов Н.В. Письма к П.П. Сувчинскому: 1926–1930 / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. К.Б. Ермишиной. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. 80 с.

П.С. Арапов и евразийское движение (новые архивные материалы) / Публ. К.Б. Ермишиной // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2011–2012. Т. 37. С. 229–254.

Чхеидзе К.А. Путник с Востока: Проза, литературно-критические статьи, публицистика, письма / Сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. А.Г. Гачевой. М.: Книжница: Русский путь, 2011. 529 с.

Литература

Глебов 2010 – Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое изд-во, 2010. 635 с.

Зубова 2020 – Зубова В.Р. 35 лет со дня кончины П.П. Сувчинского. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2020. URL: https://www.domrz.ru/press/memo_dates/35 лет со дня кончины п_п сувчинского/?ysclid=lg52nj8c2x382643440 (дата обращения 6 апреля 2023).

Клементьев 2021 – Клементьев А.К. Материалы к истории деятельности Л.П. Карсавина в Евразийской организации (1924–1929 гг.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2021. № 36. С. 339–510.

Швеленко 1994 – Швеленко И.Д. К истории евразийского раскола 1929 года // Stanford Slavic Studies. Vol. 8. Stanford, 1994. P. 376–416.

References

- Glebov, S. (2010), *Evraziistvo mezhdru imperiei i modernom. Istoriya v dokumentakh* [Eurasianism between Empire and Modern. History in documents], *Novoe izdateľ'stvo*, Moscow, Russia.
- Klement'ev, A.K. (2021), "Materials on the History of L.P. Karsavin's Activities in the Eurasian Organization (1924–1929)", *Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, no. 36, pp. 339–510.
- Shevelenko, I.D. (1994), "On the History of the 1929 Eurasian Split", Polivanov, K.M., Shevelenko, I.D. and Ustinov, A. (eds.), *Themes and variations: In honor of Lazar Fleishman, Collection of articles and materials for the 50th anniversary of Lazar Fleishman*, Stanford Slavic Studies. Stanford, pp. 376–416. (Stanford slavic studies, vol. 8).
- Zubova, V.R. (2020), *35 let so dnya konchiny P.P. Suvchinskogo* [35 years since the death of P.P. Suvchinsky], *Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna*, Moscow, Russia, available at: https://www.domrz.ru/press/memo_dates/35_let_so_dnya_konchiny_p_p_suvchinskogo/?ysclid=lg52nj8c2x382643440 (Accessed 6 April 2023).

Информация об авторах

Ксения Б. Ермишина, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, Москва, Россия; 109240, Россия, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2; xenia_ermishina@mail.ru

Владимир И. Шаронов, кандидат педагогических наук, Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Калининград, Россия; 236016, Россия, Калининград, ул. Артиллерийская, д. 62; sharonovvi@gmail.com

Information about the author

Kseniya B. Ermishina, Cand. of Sci. (Philosophy), senior research fellow, Aleksandr Solzhenitsyn House of Russian Expatriates, Moscow, Russia; bld. 2, Nizhnayay Radishchevskaya Street, Moscow, Russia, 109240; xenia_ermishina@mail.ru

Vladimir I. Sharonov, Cand. of Sci. (Education), Western branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad, Russia; bld. 62, Artilleriiskaya Street, Kaliningrad, Russia, 236016; sharonovvi@gmail.com